

Журнал «Огонек»

№52, 1964

УДК 82-94
ББК 63.3-8
Ж92

Ж92 Журнал «Огонек»: №52, 1964 / – М.: Книга по Требованию, 2024. – 44 с.

ISBN 978-5-458-70936-1

«Огонёк» — российский и советский общественно-политический и литературно-художественный иллюстрированный еженедельный журнал. С 1923 года выходит в Москве. Первый номер журнала вышел в свет 9 декабря (21 декабря по новому стилю) 1899 года как еженедельное иллюстрированное литературно-художественное приложение к газете «Биржевые ведомости», издателя Станислава Проппера. В 1918 году выпуск журнала прекратился и был возобновлен стараниями Михаила Кольцова в 1923 году. До 1940 года — выходило 36 номеров в год, с 1940 года — еженедельник. В советское время журнал выпускался издательством «Правда», в котором, как приложение к журналу с 1946 года, также выходила «Библиотека „Огонька“» — собрания сочинений отечественных и зарубежных классиков.

ISBN 978-5-458-70936-1

© Издание на русском языке, оформление
«УОУO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Идет защита эскиза: художники Вильма Сепп и Ойан Варе.

Вечер. Тишина. Художники Льюция Хабитт и Эльга Лешкина делают «Силуэт».

Счастливого пути вам, моды 1965 года!

Идем на крик моды

костюм, изготовлен ли он по индивидуальному заказу или на фабричном конвейере, должен быть произведением прикладного, бытового искусства. Поэтому тон в одежде должны задавать освещенные люди, иначе говоря, художники Дома мод. Отныне мы и собираемся командовать парадом мод.

Ого, какие были лица вначале у некоторых швейников и деятелей торговли! Посыпались вопросы:

- Отзоваться на крик моды?
- А план кто будет выполнять?
- А модные ткани откуда взять?

— А если ваши фасоны покупателя не поймет?

И вдруг категорическое слово швейников:

— Консультировать сами приходите, у нас времени нет!.

Ну, конечно, сами! В Таллинском доме мод есть специальная группа художников и конструкторов во главе с Лейли Метсоо, их так и называют — «внедрители». Когда нарисованный художником эскиз пройдет через огонь, воду и медные трубы нескольких художественных советов, когда он станет одеждой и снова пройдет суровый путь демонстраций, отборов и утверждений, тогда «внедрители» направляются с новой моделью на фабрику и по-лошмански ведут ее от лекал до ОТК. Это тернистый путь, потому что именно здесь самую красивую модель могут не пощадить рифы в виде

старомодных лекал и старомодных привычек, неподходящих тканей и несоответствующей отделки. Надо уметь эти рифы обойти. И надо добиться, чтобы модель воплотилась небольшими партиями: нельзя же каждый сезон одевать всех горожан как бы в униформу. Надо еще, чтобы при этом ни на копейку не повысилась себестоимость и ни на минуту не задерживался бы производственный процесс. Надо дружить с руководителями фабрик и спорить с ними!

А еще надо постоянно воспитывать вкус тех, ради кого все это делается. На демонстрациях мод нужно показывать много красивого и заманчивого, так, чтобы каждая демонстрация была праздником хорошего вкуса и искусства. Традиционными стали демонстрации-армарки, где показывают не только костюмы Дома мод, но и будущую продукцию всех швейных фабрик республики. Зрители на этих армарках тоже из всех уголков республики, из Латвии, Литвы и Белоруссии, из Ленинграда, Мурманска и Архангельска. И зрители эти не просто зрители, а деловые люди. Они приехали со своими бухгалтерами, юристами и специальными бланками. Отдав должное красоте модели, они тут же оформляют заказ на нее.

Есть в Таллинском доме мод очень влиятельный воспитатель хорошего вкуса и хорошего тона — это журнал «Силуэт». Хорош он не только рисунками, фотографиями и оформлением страниц, а

еще и тем, что постоянно учит, где, как и какую надо носить одежду. Вот статьи одного из номеров: «Детали делают моду»; «Как мы должны выглядеть на пляже»; «Где, кому и когда носить брюки»... Журнал показывает не только красивое. Карикатуры Сельмы Ремме учат не меньше, чем самые элегантные рисунки. У журнала есть приложения «Рабочая и служебная одежда» и «Силуэт для детей». Предмет особой заботы художниц — детское отделение Дома мод. Здесь работает весело, особенно в дни примарок, когда тут появляются маленькие Петер, Хилле и Тийна-Мари: они задают тон таллинской детворе...

Итак, в Таллинском доме мод твердо знают, какой должен быть современный покрой и цвет, как надо влиять на фабричный конвейер и как воспитывать покупателя. А что же мешает в работе?

— Ткани! — хором говорят художницы. — Знаете, как работают настоящие мастера моды! Им перед началом каждого сезона приносят новые ткани, и они придумывают для них новые модели. А мы? Мы ведь добрый десяток лет пытаемся приспособить новые покрои к старым тканям! Особенно трудно подогнать современные легкие «маленькие» покрои к жестким старым драпам. Нам нужны буклированные, эластичные ткани. Передайте это через ваш журнал текстильщикам. Пусть и они отзовутся!.

Мы хотели бы передать это не

только текстильщиком, но и различным художественным советам: без их участия еще не скоро произойдет замена старомодных тканей.

Вот что рассказала нам председатель художественного совета Совнархоза ЭССР Хелен Сирель:

— Наш художественный совет в прямом смысле слова вышел в поход за обновление продукции. Например, шерстяные шарфы фабрики «Текстиль» давненько лежат без движения на полках магазинов. Мы в полном составе отправились на эту фабрику и спросили там: почему продолжаете выпускать старые образцы? Почему не придерживаетесь эталонов, утвержденных художественным советом?

Такие же вопросы мы задали и на текстильной фабрике «1-е Декабря» и на чулочной фабрике «Пуане Койта», — продолжает Хелен Сирель. — Разумеется, всякие доводы в свое оправдание руководители этих предприятий не могли привести. Небрежность, косность, равнодушие к развитию своих предприятий — вот истинные причины. Наша ближайшая цель — повторить визиты, посмотреть, как перестраиваются. Руководители этих фабрик должны понять, что мода не каприз, а требование покупателя. Затова рившиеся старомодной продукцией магазины и склады — это экономическая проблема, это ущерб интересам трудящихся и государства.

мире. В ряде стран нет ацидофильна, кефира, простокваши, их заменяет вездущая ягурта. Она свивается из молока с применением болгарской палочки и очень питательна. В ней меньше жира, чем в кефире и простокваше, но она более ценна в диетическом отношении. Стоит ягурта дешевле кефира.

Теперь нам остается посмотреть третью новинку. Это — молоко, которое не киснет. Специалисты называют его стерилизованным, а потребители окрестили «новым молоком». Можайский молочный завод уже освоил выпуск этой новинки, и в ряде столичных магазинов она уже периодически появляется. Теперь и массовому выпуску стерилизованного молока приступают

и Чернизовский молочный завод.

Такое молоко, конечно, понравится хозяйке: его можно держать в комнате месяц, два и больше. Не нужен ни холодильник, ни погреб. Незаменимо оно для туристских поездов, эскурсий. Нечего говорить, что жители знойного юга такое молоко доставит большую радость.

Процесс стерилизации молока довольно сложен, поэтому стоит оно будет на копейку дороже обычного, пастеризованного. Пусть вас не смущает, что при длительном хранении сверху бутылки не собираются сливки: жир в молоке распределяется равномерно.

Впрочем, вы легко узнаете новое молоко: оно продается в узгорлых бутыл-

ках в отличие от обычных молочных и запечатывается на манер минеральной воды или пива металлическими пробками.

Если молоко предназначено для очень длительного хранения, то оно проходит двойную стерилизацию и тогда приобретает моричневато-кремовый цвет и привкус топленого или ильичного молока. Однако те, которым меня угостили на заводе, оказалось белым и очень приятным, без всякого привкуса. На металлической пробке были выбиты слова: «Стерилизованное молоко. Чернизовский завод. X. 1964».

За новое дело берутся заводы ряда городов страны.

Я. МИХЕЛИЦКАЯ

ГОД 1965-й

ДЛЯ СОВЕТСКИХ ЛЮДЕЙ:

- 9220 миллионов метров тканей,
- жилые дома площадью 84 миллиона квадратных метров,
- на 10 процентов увеличится выпуск пищевых продуктов по сравнению с 1964 годом,
- полмиллиона новых мест в детских яслях и садах.

В президиуме конференции. Руководители делегаций Демократической Республики Вьетнам и Южного Вьетнама отвечают на приветствия зала.

Хан Ван Бот встретился с южновьетнамскими пилотами.

Намалый путь от Москвы до Ханоя. Два дня жили мы в Пекине, а на рассвете третьего дня наш старый знакомый — самолет «ИЛ-14» — принял на свой борт группу делегатов Международной конференции солидарно-

Предвечернее солнце опускается за дома. На улицах Ханоя шумно, много велосипедистов, знакомые контуры машин — «Волги», «Победы», «Москвичи». Чувствуется, что в Ханое царит трудовая атмосфера, хотя кое-где видны бомбоубежища. Ханой — этот мирный в настоящее время город —

том, что американские империалисты устроили провокацию накануне открытия конференции: они обстреляли территорию ДРВ и грозились бомбардировать Ханой. Наши хозяева сказали нам об этом уже позже. «Мы готовы были отразить любую провокацию», — говорили они нам.

Вьетнам является местом расположения штаба американских империалистов в Южной Азии и на Тихом океане. До 30 тысяч солдат и офицеров носят форму американской армии. На территории Южного Вьетнама более 20 американских генералов. Американские войска и их сайгонские подручные вспарывают животы, закапывают живыми в землю южновьетнамских патриотов. Деревни сжигаются напалмом. Люди и посевы подвергаются с самолетов отравлению химикатами. За это время около 200 тысяч человек убито, 700 тысяч ранено. В тюрьмах и лагерях находится до 500 тысяч человек.

Гневно гудел зал, возмущенный преступлениями, которые творятся американскими интервентами на земле Южного Вьетнама. А в первом ряду, среди делегации, представляющей народ Южного Вьетнама, сидел тринадцатилетний мальчик Хан Ван Бот, обожженный напалмом.

8 июля этого года в 3 часа дня над деревней, где жил Хан Ван Бот, появился разведывательный американский самолет. Покружил, а затем следом прилетели другие самолеты. Они сбросили 50 напалмовых бомб. Горючий бензин разлился по земле. Дети лыжались, как живые факелы. Хан Ван Бот выжил.

большинство представляющих вьетнамские патриотические организации. Они в джунглевой чаще тропического леса. Они опознают по запаху бомбоубежища. Девушки с ними оружием готовятся

Вьетнам является местом раскола. И хотя американские пилоты совершают в Южной Азии и на Южном острове. До 30 тысяч солдат и офицеров носят форму американской армии. На территории Южного Вьетнама более 20 тысяч солдат генералов. Американские войска и их саботажники по-прежнему вступают в контакт, заключают соглашения в землях южновьетнамских патриотов. Древние святилища и пагоды. Люди и посевы подвергаются с самолетов специально бомбардировкам. За это время около 200 тысяч человек убито, 700 тысяч ранено. В тюрьмах и лагерях находится до 200 тысяч человек.

Гиннен судил зал, возмущенный преступлениями, которые творят американские интервенты на земле Южного Вьетнама. А в первом ряду, среди делегации, представляющей народ Южного Вьетнама, сидел тринадцатилетний мальчик Хан Ван Бот, обоживший напалмом.

В июле этого года в 1 час дня над деревней, где жил Хан Ван Бот, появился разведывательный американский самолет. Погрузив в зенит орудием прилетели другие самолеты. Они сбросили 50 зажигательных бомб. Горюшка бомбы разлетелась по земле. Дети плакали, а взрослые кричали. Хан Ван Бот взял

Друзья показали нам три небольших фильма, наглядно представляющих борьбу южновьетнамских патриотов. Вот самосожжение буддистов на улицах Сайгона. Полицейские разгоняют демонстрантов. Мы видим бойцов сражающегося Южного Вьетнама. Они в джунглях. Идут по заболоченной местности. Вот американцы трусливо бегут от сбитого самолета. Он лежит, дымящийся, с опознавательными знаками военно-воздушных сил США. В освобожденных районах учатся дети. Девушки овладевают огнестрельным оружием. Каждый человек готовится к защите своей родины.

На трибуне девочка-пациентка из Южного Вьетнама:

— Мы не знаем, где сейчас наши папы и мамы, живы ли они, что с ними. Мы были счастливы, когда узнали, что к нам сюда, в Ханой, приезжает делегация из Южного Вьетнама и вместе с ней Хан Ван Бот.

Девочка подходит к Хан Ван Боту, обнимает его, и весь зал поднимается вместе с ними. А боевой командир батальона южновьетнамских войск поднимает пистолет в руку, целует ее. И это напоминает скульптуру Вучетича: воин с ребенком на пьедестале.

На конференции выступали делегаты Лаоса, Камбоджи, Индонезии, Гвинеи... Выступает представитель «португальской» Гвинеи.

Он говорит: «Нужно дружбы и солидарности испытывают народы нашей страны и народам Южного Вьетнама. Ваша борьба является нашей борьбой. Ваши победы вдохновляют нас на борьбу и на победу над португальскими колонизаторами. Мы тоже добились больших успехов: мы контролируем половину территории нашей родины. Колонизаторы везде одинаковы. И у нас колонизаторы закапывают в землю живьем людей и разрушают дома, уничтожают урожаи. Но никакая сила не может остановить движение наших народов к свободе!»

И что Советский Союз не может оставаться безучастным: и судьбам братской социалистической страны и готов оказать ей необходимую помощь.

Весь мир запомнил Дьен Бьен Фу. Там потерпели бесславное поражение французские колонизаторы. Теперь мир узнал новые слова — Бьен Хоа. Там было нанесено крупное поражение американскому империализму. Мы уверены, что если американские агрессоры не уберутся из Южного Вьетнама, то и они получат свой Дьен Бьен Фу!

На конференции выступили представители братских социалистических стран: Польши, ГДР, Чехословакии, Болгарии, Румынии, — представляли международных прогрессивных организаций. Все они говорили о том, что дело свободы народа Вьетнама является делом всего прогрессивного человечества.

И вот конференция закончена. Приняты единодушно решения. Делегаты словно породнились друг с другом.

Группа делегатов конференции уезжает в Ханой. Там в это время находились два из четырех самолетов советского Красного Креста, оказавшего помощь населению Южного Вьетнама, пострадавшему от истребления. Мы долж-

ны. И снова мне вспомнился Вьетнам мая 1957 года, когда по этой же дороге мы ахали в Ханой. Возле мостов стояли пустые серые французские доты, из которых бойцы за народное освобождение выбили французских колонизаторов. Тогда было пустынно на полях Вьетнама. Сейчас мы видим большую жизнь народа. Видим красивые трудовые знамена госхозов, где работает советская техника.

104 километра от Ханоя до Ханой. Два часа пути. Но это — как песня трудового Вьетнама, как зора новой жизни, которая поднимается над мужественной страной, где люди работают и знают, что каждый из них является бойцом за свободу и независимость родины.

Мы долго будем вспоминать эту конференцию. Будем вспоминать гостеприимный народ демократического Вьетнама, который так сердечно и радушно встретил и нашу делегацию, и делегации остальных социалистических стран, и всех тех, кто приехал для того, чтобы высказать свою волю к освобождению Южного Вьетнама и объединению Вьетнама.

Мы уверены: недалек тот час, когда 17-я параллель перестанет быть демаркационной линией, разделяющей единое тело Вьетнама.

Городские власти Турку (Финляндия) установили мемориальную доску в память о пребывании в городе Владимира Ильича Ленина в 1907 году. Снимок запечатлел момент торжественного открытия мемориальной доски.

Имя Чомбе, предателя конголезского народа, вызывает ненависть Африки. В Алжире состоялась манифестация против политики колонизаторов в Конго и против их лакей. В европейских столицах, которые посетил Чомбе во время последнего вояжа, тоже прошли демонстрации с требованиями не оказывать гостеприимства убийце.

ФОТО ГЛОБУС

ОГОНЕК

Фото ТАСС, ЮПИ, журнала «Тайм», газеты «Обсервер»

11 денября на Генеральной Ассамблее выступил глава кубинской делегации Эрнесто Гевара, который провозгласил свою речь разоблачению провисов империализма против мира. В момент выступления представителя Кубы неподалеку от здания ООН раздался взрыв. Позже выяснилось, что с другого берега Ист-Ривер по ООН стреляли из гранатомета. К гранатомету был прикреплен флаг кубинских контрреволюционеров. Провокация против ООН, которая лишь случайно обошлась без жертв, вызвала возмущение участников сессии Генеральной Ассамблеи. В Америке да и по-исуду в мире хорошо известно, что кубинские контрреволюционеры, свившие гнездо в Соединенных Штатах, давно состоят на службе Центрального разведывательного управления.

В Нью-Йорке заседают XIX сессия Генеральной Ассамблеи ООН. В ее работе принимает участие делегация СССР во главе с министром иностранных дел А. А. Громыко. В Вашингтоне А. А. Громыко встретился с президентом США Л. Джонсоном. В беседе принимал участие посол СССР в Соединенных Штатах А. Ф. Добрынин. Состоялся обмен мнениями по ряду вопросов, в которых заинтересованы Советский Союз и США.

Среди лауреатов Нобелевской премии этого года два советских ученых-физика — Николай Васов и Александр Прохоров. Этот снимок сделан в Стокгольме, где были вручены премии. Слева направо: Теодор Линен из Мюнхена, удостоенный звания лауреата за работы в области медицины, Николай Васов, английский химик из Оксфорда Дороти Кроуфут-Ходжинс, американский физик Чарльз Таунс, Александр Прохоров, американский медик Конрад Блох.

В первую годовщину своей независимости Кения стала республикой. Этим шагом молодое африканское государство укрепило свое самостоятельное положение в мире. Лидер Кении Джомо Кенята, много лет возглавлявший освободительную борьбу своего народа, принял присягу, вступив на пост президента республики. Великобритания, бывший колониальный хозяин Кении, вывела из страны все свои войска. Англичанин Малкольм Макдональд, занимавший пост генерал-губернатора Кении, попрощался в аэропорту Найроби с теми, кто провожал его, и отбыл восвояси — навсегда.

Чедди Днаган

На улицах Джорджтауна, главного города Британской Гвинеи, — вооруженные английские томики. Английский колониализм устанавливает «порядок» в этой стране. Великобритания уже давно отказывает Британской Гвинеи в праве на независимость. Используя свою агентуру, английские колонизаторы ведут борьбу против Народно-прогрессивной партии, выступающей за независимое развитие Гвинеи. На выборах 7 декабря Народно-прогрессивная партия, возглавляемая Чедди Днаганом, получила свыше 45 процентов голосов — больше, чем любая другая партия в стране. Однако английское лейбористское правительство изменило конституцию Гвинеи и заставило Днагана уйти в отставку. Это уже не первый случай, когда Народно-прогрессивную партию насильно отстраняют от власти. Но раньше это делали консерваторы.

В этом году стал лауреатом Нобелевской премии американский общественный деятель — один из лидеров борьбы за равноправие негров в США, Мартин Лютер Кинг. В Соединенных Штатах он не раз подвергался преследованиям, его сажали в тюрьму. Таким, как он, в США нелегко.

Зато таким, как вот этот, там полное приоволье. На фотографии изображен шериф города Меридиана, штат Миссисипи, Лоуренс Рейни. Он один из банды белых расистов, которые летом этого года зверски убили трех борцов за гражданские права негров. Снимок был сделан на предварительном следствии. Как видите, шериф-убийца чувствовал себя там совершенно спокойно и невозмутимо жевал табак. Он знал, что ему ничего бояться. И действительно, Лоуренса Рейни и его сообщников отпустили на свободу, отложив обвинение в убийстве.

Это кадр из итальянского документального фильма, который называется «Работорговы в современном мире». Да, в глухих районах Африки и Среднего Востока и в наши дни по-прежнему торгуют «живыми товаром». Робин Моз, племянник известного английского романиста Сомерсета Моэма, написавший текст и фильму, возлагает аму за этот позор на США, которые обеспокоены лишь своими «широкими нефтяными интересами. Англия ничего не делает, потому что она не хочет обнимать Вашингтон».

МИЛЛИОН ТЕРЗАНИЙ

Генрих БОРОВИК

— Худо! Ах, как худо все в этом мире! Работашь, работаешь, делаешь добро людям, а никакой благодарности. Наоборот — восстания, демонстрации, волнения. Стенда бьют, ругают на разных языках. Ах, как плохо устроен мир!

Эти стенания раздались недавно со страниц «Ю. С. Ньюс энд Уорлд рипорт» и принадлежат они одному из самых реакционных американских обозревателей, Дэвиду Лоуренсу.

— Мистер Лоуренс, вы ли это? Всегда такой боевой, наступательный, и вдруг — из тебе! Что случилось-то?

ЛОУРЕНС (утирая слезы рукой). Международное сотрудничество... провалилось в тартарары.

— Боже мой, мистер Лоуренс, с каких это пор вы горюете по международному сотрудничеству? Ах, вы имеете в виду сотрудничество между западными странами? Понятно! Ну, и что же там у вас приключилось?

ЛОУРЕНС (обниженно поджав губы). В разных частях земного шара идут маленькие войны... Почему Соединенные Штаты одни должны навязывать на себя все заботы по поддержанию мира в Юго-Восточной Азии, в частности во Вьетнаме?

— Ва, старина, вы что-то путаете... Какие уж там заботы о мире! Лоуренс (настойчиво, со слезой в голосе). Почему операции в Конго, призванные спасти граждан Соединенных Штатов и других стран, должны проводиться только бельгийскими войсками?

— Ну, ну, Дэвид, только ли бельгийскими?

ЛОУРЕНС (вскликивает). — с использованием американских транспортных самолетов? Почему такая пауза, подскивает слово) гуманный акция официально осуждена советским премьером, как «военная интервенция»?

— Кроме Советского Союза вашу позорную акцию осудили многие государства мира.

ЛОУРЕНС (не обращая внимания на наши слова, топает ногами). Почему ничего не делает ООН?

— А что же она, по-вашему, должна делать? Лоуренс. Ее обязанность — обращать внимание на угрозы миру и предпринимать коллективные меры, когда в мире серьезные беспорядки.

— ООН принимала раньше по вашей указке «меры» в Конго. Кроме ненависти всех честных людей, эти меры ничего не вызвали. Может быть, поэтому ООН стала благоразумнее. Вот и получается, что ненависть честных людей мира падает сейчас в основном на голову Соединенных Штатов.

ЛОУРЕНС (тихо вскрикивает, разворачивает редактируемый им журнал). Вот что сообщают мои корреспонденты (читает): «В конце ноября в дюжине столиц четырех континентов прошли демонстрации, восстания, митинги против Соединенных Штатов».

В Панаме антиамериканские выступления ознаменовали растущее беспорядком по поводу переговоров о будущем Панамского канала.

Японская полиция установила дополнительные посты у посольства США в Токио во время студенческих демонстраций против захода американских атомных подводок в японские порты.

В Сайгоне вспыхнуло восстание против южновьетнамского правительства, которое поддерживается США.

Но больше всего неприятностей доставила наша миссия в Конго. Митинги и демонстрации прошли в России, Болгарии, Чехословакии, Италии, Египте, Сомали, Кении, Уганде.

Хуже всего дело обстоит в Камере, где 500 студентов сожгли здание библиотеки американской службы информации и еще одно посольское здание...

В Найроби, столице Кении, толпа бросала бутылки с бензином в американские машины и выкрикивала лозунги: «Американцы — дьяволы, убийцы!».

— Ничего не слыжешь, худо вам.

ЛОУРЕНС (размазывая слезы по лицу). Почему Соединенные Штаты в одиночку должны нести это бремя?

— Действительно. Если заниматься разбоем гуртом, то, глядишь, не все бутылки попадут в американские машины. А так, в одиночку, туго. Неужели никто не поддерживает?

ЛОУРЕНС (доверительным шепотом). Более того, сегодня мы видим бизнесменов из западноевропейских стран, а также (с глазами, полными ужаса) из Соединенных Штатов (плет волю), которые посещают Москву и ведут переговоры о широких финансовых кредитах тому самому правительству, которое подрывает мир в Африке и в Латинской Америке, так же как и в Юго-Восточной Азии.

— Значит, во всех ваших неприятностях виноваты агенты советской разведки? Ай-ай-ай, Лоуренс! Вам, онезызается, действительно очень плохо. Кстати, вы не пробовали лечить шизофрению голодом? Говорят, теперь найдено новое средство, которое...

ЛОУРЕНС (грубо прерывает). Объединенные Нации не являются больше эффективным международным инструментом и никогда им не будут...

— Так, значит, долой ООН!

ЛОУРЕНС (с металлом в голосе). Если ни Совет Безопасности, ни Генеральная Ассамблея не принимают мер для поддержания мира, вооруженные силы группы членов могут объединиться на добровольных началах для выполнения вышеназванной задачи.

Что-то со скрипом они объединяются. Добровольцев иди на позор что-то не так много нынче. А. Лоуренс?

ЛОУРЕНС (совершенно оправившись, утерев слезы, встав по стойке «смирно»). Среди свободных наций необходимо руководство, которое организовало бы их в широкий союз для античных действий не только на дипломатическом поприще, но также на экономическом и военном (с нежностью смотрит на флаг Соединенных Штатов Америки).

— Итак, вы хотите, Лоуренс, выбросить из международного словаря три буквы — «ООН» — и заменить их тремя другими буквами — «США»?

Но на этот вопрос ответа уже нет, ибо здесь кончается статья, из которой мы цитировали высказывания мистера Лоуренса, редактора журнала «Ю. С. Ньюс энд Уорлд рипорт».

Выход? Плохо старнику. Миллон терзаний.

Фото Д. Уткомского.

МАСТЕР РАДОСТИ

70 ЛЕТ Ю. А. ЗАВАДСКОМУ

О чем только режиссер не заставляет думать актёра!

Больше же всего, пожалуй, о том, как и с чем актёру выходить навстречу зрителю. О все новых и новых, неустанно отыскиваемых секретах сценической выразительности при лепке образов. О новых чертах героя, о его душевной сущности, о свойственных ему чувствах и мыслях, которые надо суметь показать со сцены.

Кто вот молодой и очень способный (посмотрев «Гамлета» в кино, я бы даже сказал, способнейший) артист Иннокентий Смоктуновский считает, что современный театр нынче требует от актёра максимума мысли при минимуме выразительных средств.

Откал творческая платформа мне кажется не то что парадоксальной, но просто слишком узкой, обидно ограниченной для употребления в искусстве. Я думаю, сцена весьма оскудела бы, а все спелитали стали бы похожи один на другой, если то, что хорошо удается Смоктуновскому, актёры адрут воплеи бы, к великому огорчению актёров, а еще большому огорчению зрителей, в некую творческую обязанность или даже систему.

Вечные моды, однако, не бывает долговечно, а многовековая история театра сполною учит тому, что максимум нужных образ выразительных средств, предлагаемых актёром и режиссером, никогда еще не становился и ни при каких обстоятельствах не может становиться помехой для максимального же выражения мысли на сцене.

Напротив! Ни в коем случае нельзя скупиться на выразительность при показе поворотов судьбы современника, таких внутренних сдвигов, какие определяют становление личности, осмысливающей конфликты, весьма близкие и нашим нынешним дням.

Пример щедрости режиссерской мысли и таланта — спектакли Завадского. Какую пьесу ни избирает Юрий Александрович Завадский, всегда в его режиссерском решении ощущимо сказывается индивидуальность художника, обладающего огромной фантазией и таким же запасом средств сценического воздействия на зрителя.

Ясность, праздничность его режиссуры не исключают, конечно, и суровых красок, трагических интонаций, свойственных, скажем, великопленному спектаклю военных лет — левиновскому «Нашествию». Но в целом она, эта режиссура, словно вобрала в себя оптимизм эпохи, ее поэтическое цветение. Именно здесь и кроется, на мой взгляд, самобытность творческой мысли Завадского, истинно здорового, часто по-молодому озорного мироустройства художника. Он не устает славить свой век и своего современника, будучи мастером выражения на сцене всех движений человеческой души и ума, особенно же человеческой радости, бережно несл, сохраняя и развивая лучшие традиции своих великих учителей — Станиславского и Вахтангова.

Очень характерно для Завадского, по-моему, что в труднейшую пору войны, в труднейших условиях эвакуации он рядом с «Нашествием», «Фронтом» и «Русскими людьми» выпускает еще и красочный, юношески звонкий «Забавный случай». Удивительно разные, но все одинаково сильные спектакли эти смело могли конкурировать с любимым театром по богатству изобразительных средств. И что бы он с тех пор ни ставил — «Дитя» или «Орфей спускается в ад», «Дали неоглядны» или «Бунт женщин», — он всегда эффектен и сценичен; но за всеми его эффектами неизменно стоит мысль, обращенная к внутреннему миру человека, к духовной жизни героя.

Завадский-режиссер не находит малейшие проявления ремесла, особенно же психологическую прилизанность и штамп. И в каждом актёре умеет он откопать, разворошить глубинные пласты творчества...

Моя личная актерская работа с Завадским началась более тридцати лет назад. «Истислав Удалой» Прута, а потом «Гибель эскадры» Корнейчука, «Мецан» А. М. Горького. Сложнейшие пьесы! Ставить их режиссер должен был с довольно-таки пестрым, разнонастным составом актёров.

В работе над спектаклями и родился коллектив единомышленников, пришло драгоценное чувство ансамбля. Осталась же свобода творческих споров, порой очень острый; осталось право отстаивать свое мнение, предлагать свои решения. И это ничуть не снижает авторитета, которым пользуется главный режиссер Театра имени Моссовета, умеющий снова и снова поразить всех глубиной сценических открытий. Только что предложил зрителю совершенно новое, оригинальное прочтение «Маскарада», Завадский уже думает о новом «Отелло»...

...Старейший город Болгарии — София — на своем гербе начертал: «Растет, но не стареет». Это же можно сказать и о Завадском. И добавить, что он воспитывает в театре сильных режиссеров — А. Л. Шанс, И. С. Вульф — которые, не копируя учителя, работают над современной темой.

Сейчас модно говорить о всевозможных «современных» стилях режиссуры и актерской работы, об интеллигентности актёра и режиссера.

Но почему-то не очень модно нынче говорить о таланте. О мастерстве. Многие из нас, увы, по-прежнему «ленные и неслюбопытные», как заметил Пушкин, — да и попросту бесхозяйственны в искусстве. А я так думаю, что молодежи надо бы с жадностью учиться у таланта, у мастера, смело проникать в секреты блистательного театрального умения Завадского, его завидной озорности.

Перенять счастливый дар художника, несущего людям радость.

П. ГЕРАГА, народный артист РСФСР

Наши интервью

Москва — столица нашей родины — одна из многих зональных художественных выставок, что проходит сейчас по стране. Она является как бы главной художников и предстоящей выставке «Советская Россия», которая, в свою очередь, предавит ту большую, праздничную, что посвящена будет 30-летию Великой Октябрьской социалистической революции.

К родному дому отношение всегда особое. Ему принадлежит нашим привязанности, любовь, но и особая ответственность. Сейчас в Центральном выставочном зале экспонируются две с половиной тысячи произведений московских художников, посвященных нашей столице.

Из них более четырехсот живописных полотен. Они рассказывают о напряженной, трудовой, насыщенной событиями жизни родного города.

Радуется, что каждый художник стремится отыскать в обiline, жизни, истории Москвы особенно дорогой ему и близкий сюжет.

Многие обратились и революционному прошлому города. И на выставку работами Дмитрия Фонтистова, Игоря Радомана, Николая Терещенко и других широко вошла ленинская тема.

Недавние выпускники Суриковского института Нинита Федосов, Михаил Кугач, Александр Соколов отыарили увлекательный для жи-

Творческое соревнование

вописца Ирай — новый облик производства: проhodные, ставшие светлыми, нарядными, веселыми, заводские цеха, украшенные цветами.

Они успешно поработали и выставили ряд картин из жизни Московского комбината имени Свердлова.

Вольшала группа художников нашла свои сюжеты в подмосковном городе науки — Дубне. Ряд интересных портретов ученых написали там Константин Мансинов, Михаил Каюля, Владимир Ленищев.

Лирик Николай Ромадин и выставке создал столь редкие у него городские пейзажи — «Тверской бульвар», «Фрунзенская набережная». И его влюбленная в природу кисть сочно писала зелень деревьев, окружающих многоэтажные здания.

Картинки «на тему» попали на столичную выставку за своим высоким художественным достоинством, за правдивостью и сердечностью, за талантом их авторов — Аркадия Пластова, Владимира Стожарова, Юрия Кугача, — горячо любящих русский край.

Говорят, в спорах рождается истина. Мне думается, что в творческом соревновании вот таких несхожих между собой талантов, как Аркадий Пластов, Георгий Иисинский, Галий Коржав, Юрий Кугач, Виктор Иванов, Владимир Серов, Виктор Цыпляков, рождается и побеждает будущее наше искусство, во имя которого мы все и трудимся. А значит, рождается и наши завтрашние успехи.

Василий НЕЧИТАЙЛО

НАШИМ
ЧИТАТЕЛЯМ

Дорогие друзья!
Редакция обратилась к вам с просьбой сообщить свое мнение об «Огоньке», высказать замечания, пожелания, что бы вы хотели видеть на страницах журнала в 1965 году.

Мы получили много интересных писем, за что сердечно благодарим вас.

Все ваши замечания мы непременно учтем, просьбы и предложения постараемся выполнить.

Ждем новых писем!

Этот номер — последний в нынешнем году. До встречи в 1965-м! Следующий номер «Огонька» выйдет 1 января.

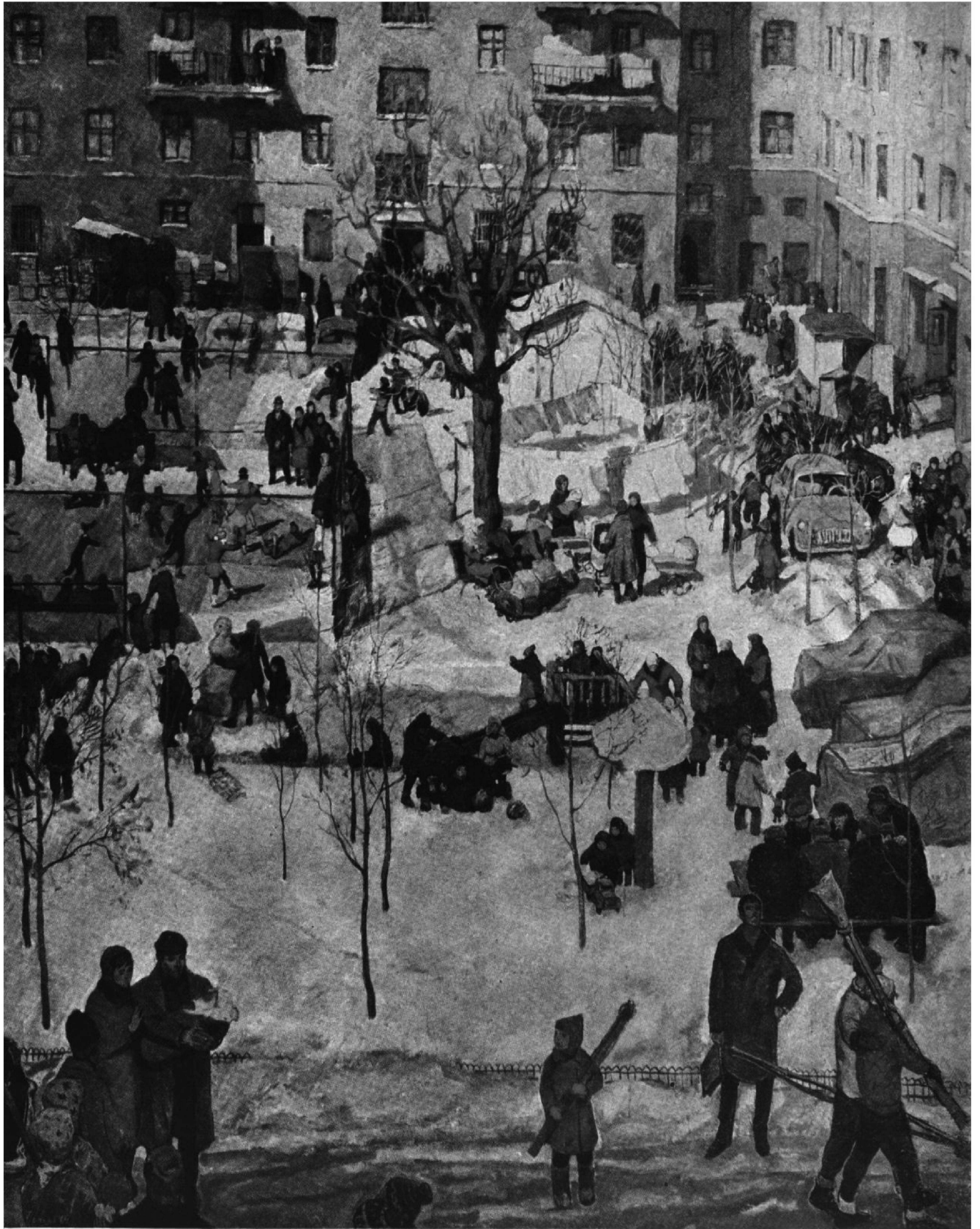
ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ВЫСТАВКА
«МОСКВА — СТОЛИЦА НАШЕЙ РОДИНЫ»

Л. Щипачев. ПЕРВЫЙ ПОДВИГ

М. Канаян. ТЕОРЕТИКИ

Copyrighted material

И. Попов. НАШ ДВОР.

Петер КАРВАШ

Рисунки Е. Вадерикова.

Милейший человек

Павел Валко — милейший человек. Будь у меня выбор — стать министром, чемпионом мира в тяжелом весе или милейшим человеком, — я без колебаний выбрал бы последнее. Откровенно говоря, мне страшно обидно, что у меня нет никаких шансов стать милейшим человеком. Одно утешение — таких, как я, на свете немало. Больше того, пожалуй, единственный рекордно милейший человек, которого я знаю, это мой слугивец Павел Валко. Всю жизнь он словно прохаживается в райском саду. Даже не прохаживается, а перелетает с цветка на цветок, наслаждаясь их красотой и упиваясь сладчайшим нектаром. Делает он это грациозно, привычно, с милой улыбкой.

Слугивцы женского пола, слегка краснея, говорят, что в Павле есть неотразимое обаяние, слугивцы мужского пола считают его умным и находчивым, дети его обожают, и все в один голос твердят: «Без Павлика было бы так скучно!» Да, говорю вам, десять лет жизни я отдал бы за то, чтобы стать милым человеком... Особенно охотно те десять лет, которые мне испортит Павел Валко!

Когда он поступил в наше учреждение, я обрадовался.

— Привет тебе, — говорю, — Павел Валко, рад тебя видеть здесь! Если тебе понадобится содействие, заходи ко мне в пятнадцатую комнату.

Черта лысого нужно было ему мое содействие! Через день он уже хлопал по плечу заведующего отделом и игриво трепал по щеке машинисток; каждый день его кто-нибудь подвозил на машине или звал на обед, комнату он снял у молодой вдовы, рабочее место получил самое лучшее во всем корпусе. Наши сотрудники, встречаясь в коридорах, говорили друг другу:

— Ты еще не знаешь Павла Валко? Милейший человек! Пойдем, я тебя познакомлю.

Неважно, что я уже четыре года тщетно ждал, что мне достанется светлый, просторный и теплый кабинет, который отведи Павлу Валко. Полнейший вымысел, что мне

нравилась та вдова, его квартирохозяйка! Что же касается заведующего отделом, то он туповатый субъект, и я никогда не искал его дружбы. Но я не мог не задуматься, почему Павлу всегда кто-то ставит на стол вазочку с цветами, а у меня даже пыль не сотрут как следует. Почему, когда на учрежденском вечере объявляют «дамский танец», Павлика чуть не рвут на части, а меня приглашает только моя секретарша на последние восемь тактов — явно для того, чтобы в субботу я отпустил ее пораньше к жениху, в Пиштинь. Я не завидую, нет, просто меня давно интересуют социально-психологические проблемы.

Пытался я подражать Павлу Валко: резов, как жеребенок, вбегаю утром в канцелярию и еще в дверях восклицаю:

— Приветик, Гита, как выспалась? Поправился тебе вчера Жерар? А чулочками интересуешься? Роскошный нейлон!

Но моя сотрудница воззрилась на меня так испуганно, что я растерялся и поскорее уехал в город «по служебным делам».

Иногда я ставил себе на стол белоснежный анемон в вазочке за три восемьдесят, но загадочным образом эта самая вазочка на третий день оказывалась на столе Павла Валко, только с более красивым алым цветком. А когда я однажды пришел на службу в оригинальном пятнистом свитере (Павел ходил в таком целые дни), в комнате воцарилось такое зловещее безмолвие, что я счел бы великим облегчением, если бы под мой разверзлась бездна и поглотила меня на веки веков.

Но бездна не разверзлась, а Павел Валко продолжал носиться по учреждению, щедро и непринужденно расточал улыбки, очаровывал уборщиц, подкупал швейцаров, соблазнял машинисток, развлекал директоров, сиял довольством, как маяк, и прямо-таки танцевал по жизни. Не то чтобы я ему завидовал, но меня, человека, в поте лица зарабатывавшего свой хлеб, это как-то нервировало, наводило на размышления. Чем глубже я задумывался, тем больше меня раздражала открытая, сероглазая, тупоносая, русоволосая симпатичная физиономия

Павла. К тому же я был в известной мере выше его по служебному положению, материалы от него поступали ко мне, я их обрабатывал вместе с другими и направлял вышшему начальству. А Павел, что уж грех таить, работничек оказался никудышный.

Вызвал я его и говорю:
— Павлик, душа моя, с вагонами у тебя каная-то чепуха. Погляди сам: шесть вагонов в день, сколько будет в месяце?

Павел призадумался над сводкой, заморгал, потом уставился на меня, глаза его широко раскрылись, веснушчатая физиономия расплылась в восторженной улыбке.

— В самом деле! — прошептал он с нескрываемым восхищением. — Надо умножить! — Он схватил меня за руку и крепко пожал. — Вот это идея!.. Спасибо тебе. — сказал он пылко. — Спасибо, я никогда не забуду этой услуги! — В дверях он обернулся. — А если у меня, осли, еще что-нибудь не получится, можно тебя побеспокоить?

Разумеется, я охотно согласился. Через неделю он зашел ко мне.

— Не сердись, старик, но что-то у меня опять не ладится с этими сволочными вагонами. Не хочу тебя беспокоить, но... — Он долго оправдывался.

Не ладилось у него не только с вагонами. Я провозился над его отчетом часа два.

— Ну, раз уж я здесь, — небрежно сказал тем временем Павел, с интересом глядя в окно. — не найдется ли у тебя сотенки в долг? Завтра я обязательно верну! Просто я забыл дома кошелек. Дашь? — И он протестки улыбнулся. Милейший человек!

На другой день он не заходил ко мне, а через четыре дня принес работу на целый вечер: мне пришлось приводить в порядок всю его недельную отчетность, в ней была невообразимый сумбур. Зайдя ко мне, чтобы забрать ее, он вдруг засмеялся:

— А ведь я должен тебе сотню! Совсем забыл! Уж ты не сердись. И почему только сам не скажешь? — И, заняв у меня еще пятьдесят крон, заверил: — Завтра, честное слово, отдам!

Несколько дней он не появлялся, потом позвонил мне по телефону, хотя его кабинет был в том же коридоре. Ему, мол, страшно стыдно, что он до сих пор не отдал мне долга, он не спал всю ночь, никогда еще в его жизни такого не бывало, честное слово! И он попросил меня быть в пять часов на углу Новоградской и Тренчанской улиц, он мне передаст деньги, нужно же ему наконец успокоить свою совесть. Я уверял его, что дело терпит и я всегда охотно выручу его, но он упорно стоял на своем. Я прямо-таки чувствовал, как он там, бедняга, стораец со стыда.

От пяти до половины седьмого я ждал его на углу, твердо решив, что мы по-дружески сообщим прольем деньги, которые он вернет. Но Павел не пришел. Наутро я узнал, что вчера он уехал в командировку в Прагу и вернется через неделю.

Когда он приехал, я зашел к нему.
— Привет, старик! — закричал Валко бодрым и звонким голосом. Он сидел за столом, окруженный молодежью, преимущественно женского пола. — Что скажешь хорошего? — Я смутился. — Ну, ну, — подбадривал он меня. — Говори, не стесняйся, при них можно, это все мои друзья. — И он мне улыбнулся.

— Это была трудная минута.
— Нет, ничего особенного, — пробормотал я наконец. — Просто так, зашел проведать, что, думаю, подельвает Павел Валко.

Я повернулся и заметил, что кто-то хихикнул у меня за спиной.

Тут вдруг Павел сказал:
— Погоди, погоди, ведь я тебе кое-что должен, верно?

Я стал отнекиваться, но Павел строго прикрикнул:

— Нет, нет, дружба дружбой, а денежки врозь! — И широким жестом положил на стол две десяти.

Я взял их, чтобы покончить с этой нелепой сценой, и поспешил ретироваться.

Через несколько минут Павел зашел ко мне, как ни в чем не бывало, подбрисил мне свою работу и, уходя, сказал:

— К половине двенадцатого управитесь? Я хрипло напомнил ему о разнице между ста пятьюдесятью и двадцатью кронами. Он удивился и тотчас искренне развеселился.

— Ого, да ты третий малак! — И захохотал. — Ладно, — заключил он дружеским тоном. — Дай-ка мне еще сямьдесят, и будет ровно две сотни.

Через несколько дней Валко занял у меня еще сто крон, а вскоре на людях отдал пятьдесят, причем выглядело это так, словно он мне дает в долг последние деньги. Другой раз он сказал:

— Ну вот, отдам тебе еще сорок семь крон, и будем в расчете.

А через несколько дней никак не мог вспомнить, кто, собственно, кому должен: он мне или я ему. Узнав, что он — мне, Павел обрадовался, потому что для него, мол, страшно утомительно помнить своих должников.

— Если я забуду, — сказал он, неприступно улыбувшись, — ты без всяких церемоний бери меня за горло! Да еще требуй проценты!

Работа, которую Павел все время подбрасывал на мой стол, становилась мне не по силам. Собственно, я бы вполне справлялся с ней, если бы нужно было только выполнять его обязанности. Но беда была в том, что мне приходилось, кроме того, уstrarять тот хаос, в который он приводил отчетность в те недолгие минуты, когда делал вид, что работает. После долгих колебаний и подготовки я наконец выложил ему свое мнение в выражениях, обычных для приятелей и добрых знакомых.

Павел страшно обиделся.

— Ладно, — сказал он. — Если жалкие четыре сотни для тебя дороже друга... (За это время он еще раз занимал у меня деньги, якобы для большой тети, и в тот же день растратил их на цветы для новой директорской секретарши.)

Я пытался внушить ему, что долги здесь ни при чем, речь идет о работе. Но он твердил свое о деньгах и о том, что не нуждается ни в чьих благодеяниях. Потом выбежал и вернулся с двумя сотнями — одной

совсем рваной, — положил их на стол и хотел выйти. Я с трудом упрямил его взять деньги обратно. Он уступил, но лицо его не прояснилось. Через два часа он заглянул ко мне и осведомился сухим, служебным голосом:

— Ну что, еще не готово? О господи, как ты возишься!

Я заверил его, что уже кончаю, но еще долго потел над отчетностью, пока докопался, что в брутто отправленного нами товара Павел включил вес локомотива.

Валко стал популярнейшим человеком во всем учреждении: он и завквартсектором, и секретарь спортивной секции, и организатор кружка современных танцев и хороших манер. Две девицы чуть не выбросились из-за него в окно, каждая ревнуя к другой. Павел организовал общеучрежденский бал с лотереей и нострами в ночь на Ивана Купалу, шествие с фонарями и состязание — кто больше стест мороженого. По неведомым причинам его стали приглашать на совещания в дирекцию, именовать «товарищ консультант», посылать в командировки в Прагу. Ему повысили оклад и к кругу его обязанностей прибавили какие-то туманные «особые поручения».

У меня тем временем ужасно увеличилась нагрузка, потому что Павел стал приносить мне еще и работу других сотрудников, которым он хотел угодить. Однажды я несколько ночей напролет трудился над отчетом, который тремя днями раньше поручил своей секретарше.

Положение стало нестерпимым, и только этим я объясняю, что не сдержался и однажды, при удобном случае, наемкнул директору, что товарищ Валко ведет себя странно.

— Странно? — переспросил директор, подписывая груды писем, о содержании которых он, разумеется, не имел представления, стараясь не выронить сигарету изо рта. — А чем странно, дорогой мой?

Я кратко объяснил ему, в чем дело.

— Ну, дорогой мой, — улыбнулся директор, продолжая подписывать, как на курьерских. — Он брал у вас в долг? А у кого он не берет? Мне он тоже должен. Иной раз просит вас помочь ему по работе? Подумаешь, важность! Он и ко мне обращается с просьбами, я ему иду навстречу. Ведь он милейший человек!

Я попытался привлечь его внимание к моральной стороне дела.

— Ну, ну, ну! — Директор подписывал прямо-таки вскачь, рекордно повышая скорость и предельно снижая разборчивость подписи. Что, несомненно, имеет свои преимущества, когда подписываешь письма, которых не читал. — Не так уж все это страшно! Я лично люблю веселых людей, людей с открытой душой, полной заразительного оптимизма и дружеского расположения. Старее вы, мой дорогой, старее на глазах!

Я удалился и предался трезвым размышлениям. Павел Валко у всех занимает деньги, думал я, он бесцеремонно сел на шею всему коллективу, многие о нем такого же мнения, как и я. Стало быть, пора выступить и раскритиковать Павла Валко. Мне это подобало больше других, потому что он мой старый и добрый приятель и мне не безразлична его судьба.

Что на уме, то и на языке. Я выступил на собрании и был даже ошеломлен результатом: какого духа я выпустил из бутылки! Все оказалось много хуже, чем я себе представлял: несчастному Павлу задали жаркую баню, о нем говорили как о безответственном пустозвоне, лгунышке и хвастуне. Не возвращенные сотенные бумажки возносились над его щегольской шевелюрой, подобно парашютам в день авиации. Речь зашла даже о прелестной вдове и о моей секретарше, — последнее было совсем удивительно, ведь у нее официальных жених в Пештянах... Наконец, многозначительно говорилось о каких-то незаконных подписях, наладных и расписках... В общем, над Павлом Валко разразилась настоящая буря, и я думал, что не сносить ему головы.

Почему-то его не уволили немедленно. Более того: не могу даже припомнить, было ли что-нибудь против него предпринято. По-

хоже, что ничего, но, несомненно, я ошибаюсь. Факт остается фактом: Павел продолжал приходить в свой уютный кабинет, организовывал восхитительные «венецианские ночи» под лозунгом «Все силы на досрочное выполнение сельхоззаготовок!» и лотереи, в которые можно было выиграть подписку на «Ведомости областного совета», — в общем, процветал по-прежнему.

Во мне вновь взыграло чувство справедливости, и в разговоре с директором я опять поднял вопрос о товарище Валко и выводах, которые следовало бы сделать из строгой, но справедливой и обоснованной критики по его адресу.

Директор на сей раз не подписывал бумаги, а разговаривал по телефону. Делал он это, если можно так выразиться, полифонически — бурно распределяя свой темперамент и слова между тремя телефонными аппаратами. Не относя на свой счет фразу о том, что «с этой задержкой разгрузки вагонов получается совершенно безобразное дело кончиться плохо», я понял из разговора, что Павла Валко нельзя мерить общим мерлом, он по натуре художник, он имеет право поступать по вдохновению, не говори уже о том, что сердце у него золотое, он милейший человек, чудесный товарищ и вообще...

Я сдержанно изложил свою точку зрения.

— Ну да, мой дорогой, — сказал директор между несколькими репликами об эплонках с пшеницей, о том, что, мол, «нечего на меня наседать», и теоретическим пояснением насчет валютных операций. — Надо же прощать людей! Ну, конечно, он валомал дров. Но ведь мы все без греха, верно? А Валко — человек доброго сердца!

Я возражал, что здесь попахивает статьями закона.

— Слушайте, — раздраженно отозвался директор. — Клепаете на товарища, и совесть вас не беспокоит!.. Это я не вам, не вам! — крикнул он в телефон, но тотчас махнул рукой. — Впрочем, и вам тоже!

Когда я уходил, директорская секретарша насмешливо смерила меня взглядом и сказала только одно слово:

— Сухарь!
Нелегкая началась у меня жизнь! Служивцы косились и говорили со мной только официальным тоном, бумаги на мой стол не клали, а швыряли, многие стали обращаться ко мне на «вы», шведяк перестал покупать для меня булку с ветчиной, а на рождественский вечер мне «по недосмотру» не послали приглашения.

— Обижать такого человека! — возмущенно заявила мне моя секретарша. — Такого милого человека! — И на мои слова о том, что я сам очень расстроен, она отре-